

⁸ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 110. Л. 25.

⁹ Миллер Г.Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. 2. Приложения. С. 556.

¹⁰ Вершинин Е.В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 54.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 65. Л. 191.

¹² РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 65. Л. 192.

¹³ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 65. Л. 193.

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Ед. хр. 209. Л. 27.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Ед. хр. 744. Л. 38.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Ед. хр. 755. Л. 11.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Ед. хр. 392. Л. 58.

С.В. Рыбаков (УГТУ–УПИ)

ВАСИЛИЙ ТАТИЩЕВ — ИСТОРИК-ПАТРИОТ

В нынешнем году исполняется 320 лет со дня рождения Василия Никитича Татищева. Для уральских историков его личность является особо притягательной: он внес мощный созидательный заряд в историю Уральского края, был одним из тех, кто стоял у истоков уральской промышленности. Многими поколениями жителей Екатеринбурга Татищев почитаем как основатель города. Государственная деятельность Василия Никитича непосредственно влияла на ход российской истории.

Широтой и многогранностью деяний Василий Никитич удивлял современников. Перечень интересов Татищева сегодня выглядит почти фантастично: в сферу его занятий входили административно-управленческие дела, политика, публицистика, математика, естествознание, география, горно-инженерное дело и техника, история, лингвистика, юриспруденция. Необычное разнообразие деятельности Татищева отмечено всеми, кто писал о нем или обращался к его биографии. И все-таки свой главный интерес к Татищеву историки связывают с его достижениями на поприще исторической науки.

В.Н. Татищев, будучи одним из самых эрудированных представителей своей эпохи, внес весомый вклад в развитие отечественной историографии, написав фундаментальный труд «История Российская», над которым работал около 30 лет. Уже в годы работы над этим главным в его жизни сочинением Татищев приобрел авторитет в академических кругах не только России, но и многих других стран. А после того, как в 1768 г. «История Российская» вышла солидным по тому времени тиражом в 1200 экземпляров, ее автор обрел самую ши-

рокую известность. Большинство образованного общества он был признан основоположником русской исторической науки, и с этим трудно не согласиться: «История российская» в течение продолжительного времени служит показательным методическим образцом работы над фундаментальным историческим исследованием.

Татищевская «История» написана на основе тщательного изучения многочисленных источников, однако Василий Никитич не сводил свою задачу только к их собиранию и пересказу. Текст сочинения наполнен тонкими смыслами, отражает незаурядный кругозор его автора, которому было тесно в рамках плоского эмпиризма. Татищев стремился к глубокому философскому осмыслению исторического материала — для того, чтобы весь массив разрозненных эмпирических фактов преобразовать в цельную, ясную и логическую картину.

Те, кто хотел бы посвятить себя изучению российской истории, оказываются перед необходимостью ознакомиться и с «Историей Российской», и, что не менее важно, — с методологическими, концептуальными подходами В.Н. Татищева к историческим знаниям. Им он отводил особое место в духовной культуре, считал, что они «учат правильному пониманию жизни». Являясь убежденным поборником просвещения, он относил его к реальным движущим силам истории и полагал, что «наука главное есть, чтобы человек мог себя познать»¹. При этом Татищев не противопоставлял науку религиозной вере и считал, что «истинная философия в вере не только полезна, но и нужна, а запрещающие оную учить суть самые невежды»². По его убеждению, философские, как и все другие, знания должны служить задачам укрепления нравственности, поэтому понятие «разум» он тесно связывал со «способностью к приобретению добра и отвращению зла». Мыслитель проводил тезис о том, что право человека на свободу нравственного выбора не может быть реализовано вне культуры и просвещения: «Разум же без научения и способность без привычки или искусства приобретены быть не могут»³.

Ключевым методологическим принципом Татищева был историзм. Понимая историю как процесс развития, ученый стремился избежать статичной одномерности в показе исторических явлений. Основным объектом исследовательского интереса он считал человеческий опыт — и положительный, и отрицательный, говоря, что в историю «весьма многое включается, но главным образом, все деяния человеческие, благие и достохвальные или порочные и злые». История, по Татищеву, — хранительница нравственных уроков. Она «учит о добре прилежать, а

зла остерегаться». С этих позиций «рассуждения о бесполезности истории», которые «не без прискорбля слышать случается», Татищев связывал с «повреждением смысла»⁴.

Помыслы В.Н. Татищева были направлены на «приобретение силы, славы и чести государства». О себе он говорил как о человеке, «к пользе отечества ревность имеющем»⁵. Мировоззренческой основой его исследовательской позиции стала идея государственного интереса, «общей пользы». Известный историк А.Г. Кузьмин, высоко ценивший труды Татищева, писал: «Сама эта идея была для него не простым лозунгом, а действительным смыслом существования и словесий, и отдельных лиц». По мнению Кузьмина, подчинение мировоззрения идее государственной пользы делало Василия Никитича «мыслителем, лишенным однозначно выраженных классовых позиций»⁶. Смысл этого суждения можно было бы выразить и так: одной из основных характеристик как подлинно большого государственного деятеля, так и по-настоящему выдающегося историка является умение подняться над сословными, корпоративными, личными интересами.

Несомненна правота специалиста по российской историографии А.Л. Шапиро, отмечавшего: «В.Н. Татищев был патриотом. Борьбу с западными порицателями русской истории, утверждавшими, что Россия “историй древних не имела”, он считал своей главной задачей»⁷. Татищев не без оснований отмечал, что некоторые европейские историки вместо выяснения истинного хода российской истории, «для потемнения истины басни сложив, внесли путаницу и настоящую правду сказания древних закрыли». Чаще всего эти «басни» вымышлены «к поношению предков наших». Досадовал Татищев и на то, что этим вымыслом «некоторые наши несведующие согласуют»⁸.

Быть российским патриотом Татищеву было не просто: в те времена академическая наука, и история — в том числе, находилась в руках иностранцев. В годы, когда Василий Никитич собирал материалы для «Истории Российской», работавшие в Санкт-Петербургской Академии наук немецкие историки З. Байер и Г. Миллер создали и стали пропагандировать так называемую норманскую теорию происхождения древнерусского государства. Эта теория представляла собой гипотезу, согласно которой восточные славяне свою государственность получили из рук скандинавов, норманнов. В такой гипотезе заключался далеко не безобидный для русских политический смысл, указывавший на их неспособность к самостоятельному историческому творчеству.

Татищев вступил в открытую полемику с Байером. Касаясь «Повести временных лет», на которую тот ссылался, автор «Истории Российской» писал: «О дани варягам Нестор кратко упомянул, что Байера привело во мнение, якобы сии варяги — норманны, норвежские или датские государи, Русью владели». Действительно, автор «Повести временных лет» буквально вскользь коснулся факта призвания восточными славянами Рюрика, не раскрывая общего контекста этой акции. По убеждению Татищева, для вывода, сделанного Байером, не было оснований. Он указал на недостаточность летописных источников, использованных немецким ученым, на его стремление домыслить сюжетную канву ранней русской истории, что «с честию историка не согласуется — лучше незнание свое признать, нежели ложью хвалиться»⁹.

Сведения «Повести временных лет» Татищев сверил с материалами летописи, названной им «Иоакимовской», в результате чего выявилась картина происхождения Древнерусского государства, принципиально отличавшаяся от версии Байера. Согласно Иоакимовской летописи, процесс образования Древнерусского государства находился под контролем восточнославянских князей. Один из них, по имени Буривой, «имея тяжкую войну с варягами, неоднократно побеждал их», но в какой-то момент военная удача отвернулась от него, после чего варяги захватили целый ряд славянских городов и «дань тяжелую возложили на славян, русь и чудь». Отплатить за поражение Буривой сумел его сын Гостомysl. Под его предводительством «варягов каких избивали, каких изгнали, дань варягам отказались платить, и, пойдя на них, победили».

Гостомysl, по описанию татищевского источника, «был муж великой храбрости, такой же мудрости, все соседи его боялись, а его люди любили — ради правосудия». У него было четыре сына и три дочери, но «сыновья его были или на войнах убиты, или в дому умерли, и не осталось ни единого его сына, а дочери выданы были соседним князьям в жены». Наследником Гостомысла мог стать один из его внуков. Лучшим претендентом на наследование оказался Рюрик, сын средней дочери Гостомысла Умилы, находившейся замужем за одним из варяжских князей. Рюрик и был призван на княжение «всеми старейшинами земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей»¹⁰.

Исторические разыскания В.Н. Татищева подрывали позиции норманистов, поэтому не удивительна та открытая неблагожелательность, которую проявил к русскому историку один из них — А. Шлецер, с высокомерием относившийся ко всей русской историографии. Шле-

цер искал различные доводы к тому, чтобы хоть как-то опорочить Татищева, обвиняя его в «неучености», в незнании иностранных языков. Дело даже не в том, что владение иностранными языками вряд ли является первостепенным условием для занятий русской историей. Шлецер в сферу науки внес вирус отнюдь не академической, недобросовестной конкуренции, обвиняя оппонента в том, чего не было, искажая реальные факты. На самом же деле тогда немного было тех, кто мог бы сравниться с Татищевым по владению иностранными языками. Он знал латынь, древнегреческий, немецкий, польский, татарский языки, был знаком с французским и испанским, с языками некоторых угро-финских народов.

«Немецкая партия» в Академии наук препятствовала публикации татищевских разысканий. В конце 30-х гг. XVIII в. Василий Никитич подготовил к печати «Русскую Правду» и Судебник 1550 г., но их публикация была блокирована, ибо они являлись памятниками русского права и свидетельствовали против версии о норманнском происхождении законов на Руси.

Скепсис ученых, представлявших «немецкую партию», по отношению к Татищеву понятен. Менее объяснимыми являются негативные оценки, которые давал ему историк-патриот Н.М. Карамзин. Повидимому, в данном случае в дело вступил такой фактор, весьма нередкий среди людей науки, как «творческая ревность», скрытый импульс к первенству на «научном Олимпе». Такое бывает, относиться к этому нужно со снисхождением. Важнее другое: большинство историков, связанных с российской почвой, относилось к Татищеву с уважением. Его вклад в изучение отечественной истории высоко ценили И.Н. Болтин, М.П. Погодин, С.М. Соловьев и другие.

После 1917 г. Татищев оказался в «немилости» у официальной историографии, устами главы «школы историков-марксистов» М.Н. Покровского объявившей всю русскую историю «контрреволюционной»¹¹. Понятие «патриотизм» было объектом крикливой ругани, объявлялось «пережитком проклятого прошлого». Историки-марксисты, рассматривавшие историю России исключительно как арену борьбы против таких «пережитков», никак не могли обойти вниманием фигуру Татищева. Он был объявлен крепостником и националистом, ему предъявлялись обвинения в фальсификации исторических источников в пользу монархии.

В середине 30-х гг. XX в. вульгарный социологизм «школы Покровского» был осужден, но полностью преодолеть его не удалось. И

в 60-е, и в 80-е гг. у некоторых историков в сочинениях о прошлом России отражались негативистские пристрастия. «Доставалось», разумеется, и Татищеву. Критические атаки против него вели С.Н. Валк, Я.С. Лурье, Е.М. Добрушкин, А.А. Зимин, А.Л. Монгайт. Историк С.Л. Пештич кригику Татищева сделал своей «специализацией», защитив по ней две диссертации. Под перьями этих авторов Василий Никитич «превратился» в реакционера и фальсификатора.

Обвинения Татищева в каких-либо фальсификациях беспочвенны. Еще в XIX в. тогдашними учеными было проведено тщательное сличение «Истории Российской» с текстами летописей, по результатам которого была признана безусловная добросовестность Василия Никитича как историка. Другое дело, что не все из летописей, использованных им для написания «Истории», дошли до нашего времени. Можно только догадываться, сколько ценнейших исторических документов погребло в огне одного только московского пожара 1812 г. Какие-то из сгоревших письменных памятников (например — Троицкую летопись) позднее удалось реконструировать. Сколько подобных памятников исчезло безвозвратно, не знает никто. А ведь, помимо московского пожара, были и другие катаклизмы.

То, что Татищев пользовался летописными свидетельствами, которыми не смогли воспользоваться историки более поздних времен, только подчеркивает уникальность проведенной им работы. Авторы, пытавшиеся поставить под сомнение научную ценность источниковедческой работы Татищева или самих источников, неверно понимали характер и реальную роль древнерусского летописания, представляя его гораздо более централизованным, чем было на самом деле, считая, что все древнерусское летописание связывалось с неким единым первоисточником. Такая постановка вопроса сугубо гипотетична. Сегодня признается, что «при современном уровне знаний пока не удастся установить, когда начали вести записи об исторических событиях»¹². Стало очевидным фактом, что с древности на Руси существовали различные летописные традиции, в том числе — и периферийные, которые в сравнении с «канонами» наиболее известных летописей (Лаврентьевская, Ипатьевская, Тверская, Никоновская и некоторые другие) могли нести на себе отпечаток неортодоксальности. Можно ли отказать Татищеву в праве представлять древнерусскую историю только на том основании, что он обращался к записям и известиям, содержавшимся в летописях, не получивших «канонического» статуса или вообще неизвестных историкам позднейших поколений?

А.Г. Кузьмин констатировал: «Бесспорно, что в распоряжении историка были такие летописи, которыми теперь наука не располагает»¹³. Татищев убежденно писал, что «несомненно, прежде Нестора и задолго до него писатели были. Иоаким новгородский был задолго до Нестора, но история его при Несторе и после него, из-за неупоминания его имени, осталась безызвестна». Более того: «... достоверно видим, что прежде Иоакима и Нестора историописатели были и книги ими были оставлены, да оные погибли или еще есть, где-то хранятся, да нам неизвестны. И это тем достовернее, что многие по разным местам находящиеся истории разное в себе заключают и одна пред другою прибавку или яснейшее сказание имеет, которые мне все собрать и свезти крайне сложно. Окончательной пропажи историй наших в великих разорениях весьма много случаев было»¹⁴.

Характерно, что, по словам самого Татищева, он старался не принимать летописные свидетельства без надлежащей проверки с использованием всего круга имеющихся материалов, ибо осознавал, что «летописцы и сказители» в немалой степени зависели от условий своего времени, а потому могли описывать события «по страсти, любви или ненависти весьма иначе, нежели суще делалось». Он был убежден, что историк вовсе не обязан послушно следовать за трактовками, содержащимися в источниках, что нужен «свободный смысл, к чему наука логики много полезна»¹⁵. По мысли Татищева, без добротной философской подготовки «невозможно истории писать». Самым же неприемлемым для историка он считал подмену истины или ее поиска вымыслом, «баснями», чем бы они не мотивировались. В качестве примера «басен» он назвал попытку некоторых деятелей российской истории «род Рюриков от Августа-императора произвести»¹⁶, что, по его мнению, не давало никакой реальной пользы государству, наоборот — изобличало «темность» и историческое невежество тех, кто пользовал вымышленные формулы.

60–80-е гг. XX в. были отмечены подспудным противостоянием между двумя течениями в общественной жизни Советского Союза — почвенническим и западническим. Это противостояние не обошло стороной и историческую науку, в которой, помимо идейных потомков М.Н. Покровского, существовало и патристическое крыло. Его наиболее видные представители — М.Н. Тихомиров, Б.А. Рыбаков, В.И. Корецкий, А.Г. Кузьмин — защищали научную честь Татищева, пропагандировали его историографическое наследие.

А.Г. Кузьмин, один из наиболее талантливых историков советского времени, весьма остроумно парировал доводы тех, кто пытался обвинить Татищева в национализме: «Для России XVIII века национализм означал бы и подъем освободительного движения, поскольку царский двор контролировался иностранцами, а бироновщина явилась лишь наиболее одиозным проявлением иноземного господства. Независимо от субъективных намерений, подобные обвинения означают поддержку бироновщине, оправдание права иноземцев на господство в чужой стране». А.Г. Кузьмин, защищая доброе имя Татищева, подверг решительной критике схему вульгарного социологизма с его «недооценкой или даже полным отрицанием чисто человеческих страстей, интересов и эмоций, самоценности искусства, патриотизма, забвения краеугольного положения диалектической методологии о том, что истина всегда конкретна»¹⁷.

Только стремлением подчинить истину идеологизированным стереотипам можно объяснить стремление С.Л. Пештича, Е.М. Добрушкина и других представить Татищева «крепостником» и «реакционером». Тексты публицистических произведений Василия Никитича ясно показывают, что он выступал против крепостного права, переживал за судьбу русского народа, призывал к развитию народного просвещения, вскрывая «вред от неучения народа», писал о том, что был бы рад видеть крестьян «умными и учеными»¹⁸.

В.Н. Татищев стремился показать величие своего народа, но делал это не за счет других народов и не в ущерб истине. Он твердо придерживался принципа равенства всех народов, внимательно интересовался жизнью различных народностей Российской империи, их историей. Плох тот историк, кто поддается страсти «самолюбия или самохвальства»¹⁹. Задача историка, полагал Василий Никитич, сводится не к тому, чтобы «для увеселения читающих красноречивое сложение сочинять»²⁰, а к тому, чтобы знать и говорить правду. При этом «о своем отечестве» местный историк «всегда более способа имеет правду написать, нежели иноземец». Холодный, отчужденный взгляд на жизнь страны мало способствует обнаружению ее скрытых особенностей, пониманию «души» ее народа.

Для верного восприятия истории той или иной страны необходимо проникновение в присущую ее внутреннему строю духовную реальность, которая, если в ней не находится, не жить в ней как в привычном пространстве, может быть понята с немалым трудом. Такая реальность не может быть понята совсем, если к ней не проявить до-

статочного интереса. Искренняя заинтересованность — важнейший исследовательский инструмент историка. Такой заинтересованностью обладал Василий Никитич Татищев, своими трудами на поприще исторической науки немало послуживший «славе и чести любезного»²¹ ему отечества.

Примечания

¹ Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 51.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 51.

⁴ Татищев В.Н. История Российская. В 3-х т. Т. 1. М., 2003. С. 6.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Кузьмин А.Г. Татищев. М., 1987. С. 334.

⁷ Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен до 1917 года. М., 1993. С. 167.

⁸ Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. С. 9.

⁹ Там же. С. 64.

¹⁰ Там же. С. 54–55.

¹¹ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. М.; Л., 1933. С. 3.

¹² Литература Древней Руси: Библиограф. словарь. / Сост. Л.В. Соколова; Под ред. О.В. Творогова. М., 1996. С. 101–102.

¹³ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 353.

¹⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. С. 33–34.

¹⁵ Там же. С. 11.

¹⁶ Там же. С. 500.

¹⁷ Кузьмин А.Г. Указ. соч. С. 340.

¹⁸ Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах. С. 86.

¹⁹ Татищев В.Н. История Российская. Т. 1. С. 12.

²⁰ Там же. С. 17.

²¹ Там же. С. 18.

Т.А. Сутырина (УрГПУ)

«О ПОЛЬЗЕ ОБЩЕЙ, КАК О СВОЕЙ СОБСТВЕННОЙ, ПРИЛЕЖАТЬ...» В.Н. ТАТИЩЕВ О ВОСПИТАНИИ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ

Необходимость противодействия негативным последствиям, к которым привело нашу страну в последние десятилетия отсутствие национальной идеи, наступление бездуховности, отказ от гражданских